

рии дел. Однако определение места норм об административной ответственности за нарушение таможенных правил было заторможено принятием 4 марта 2008 г. Программы борьбы с контрабандой и нарушениями таможенных правил в Украине 2008–2009 гг., в которой предусмотрена декриминализация целого ряда составов уголовно наказуемой контрабанды путем перевода их в административные проступки и значительного усиления ответственности за таможенные правонарушения, составы которых в настоящее время сформулированы в ТКУ 2002 г. Поэтому возникла коллизия между двумя законопроектами, которая вызвана отсутствием единого подхода к структуре и содержанию понятийно-категориального аппарата, с помощью которого следует регулировать отношения посредством таможенных правил, возникающих в таможенном деле, и ответственности за их нарушение.

Примечания

1. Впрочем, такое же понимание термина «таможенное дело» и в законодательстве РФ: для этого достаточно сравнить ст. 1 ТК РФ 1993 г. и ст. 2 ТК РФ 2003 г., тем более, что в последнем акте из его содержания вполне обоснованно была исключена таможенная политика.
2. По характеру, форме и содержанию похожи на инструкцию.
3. Впрочем, есть и иные точки зрения. В частности, авторы коллективной монографии «Митне регулювання зовнішньоекономічної діяльності в Україні» утверждают, что «митні правила України, які повинні включати порядок декларування товарів, сплати мит і митних зборів, падають митних пільг та інші умови проходження митного контролю, установлюються законами України про митне регулювання» [4, 50–51].

Литература

1. Сурилов А. В. Теория государства и права. — О., 1998.
2. Кивалов С. В. Таможенное право Украины (Служба в таможенных органах). — О., 1998.
3. Кормич Б. А. Государственно-правовой механизм таможенной политики Украины: Монография. — О.: Астропринт, 2000.
4. Паумецко В. П., Пашко П. В., Руссков В. А. Митне регулювання зовнішньоекономічної діяльності в Україні: Монографія. — К.: Знання, 2004. — (Сер. «Митна справа в Україні»).

УДК 347.97/99.001.73(477)

Ю. Е. Полянский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В УКРАИНЕ

Одной из тем настоящей конференции является совокупность концептуальных идей современной юриспруденции. Исходя из принятого содержания понятия «юриспруденция» как юридических наук и как сферы практической юридической деятельности [1, 491], я хотел бы коснуться проблем использования исторического метода исследования и в процессе практической реализации судебно-правовой реформы в Украине, и в процессе ее научного обоснования.

Исторический метод связан с изменением социальных, экономических, нравственных и культурных условий общества, с позиций которых оценивается и продолжает оцениваться то или иное общественное явление [2, 180]. При этом широко используется сравнение как «познавательная операция, лежащая в основе представлений о сходстве и различии объектов» [2, 259].

Законодательство и практика его применения неизбежно впитывают в себя предшествующий опыт человеческой цивилизации. В государственно-правовой сфере — это, прежде всего, те ее этапы, когда в общественное сознание и практику стали постепенно проникать демократические принципы общественного устройства и такие передовые политико-правовые идеи, как верховенство права, правовое государство, разделение властей, приоритет прав и свобод человека над другими социальными ценностями.

При этом уместно вспомнить известные изречения: «Новое — это хорошо забытое старое» и «История нас учит тому, что она ничему нас не учит». Последнее в заостренно полемической форме подчеркивает неумение или нежелание некоторых государственных деятелей и ученых-юристов сполна использовать исторический опыт государственно-правового строительства, в том числе отечественного.

Может возникнуть вопрос: о каком заимствовании опыта в государственно-правовой сфере может идти речь применительно к абсолютистской Российской империи, в которую входила большая часть нынешней Украины, или тоталитарного советского государства. Но однозначно отрицательный ответ на этот вопрос был бы неправильным и по существу антиисторическим. Потому, во-первых, в сложных системах правового регулирования всегда можно найти нечто положительное и использовать его в современных условиях. Во-вторых, можно избежать ошибок, которые в свое время совершили наши предшественники.

Если освежить в памяти события, связанные с судебно-правовой реформой 1864 года, то можно констатировать, что ее задачи в целом совпадают с теми, которые продекларированы нынешними реформаторами: создание относительно независимой судебной системы, обеспечение состязательности судопроизводства, учреждение суда присяжных, повышение роли адвокатуры и обеспечение ее независимости, изменение функций прокуратуры, а, точнее, их ограничение. И все это, в конечном счете, было направлено на приспособление судебной и прокурорской систем России к «европейским стандартам» в их тогдашнем понимании, хотя изначально такая цель не ставилась.

В связи с этим остановлюсь на некоторых моментах, которые представляются принципиальными, и на отдельных деталях, на которые стоило бы обратить внимание на современном этапе судебной реформы в Украине.

Документом под названием «Учреждение судебных установлений», утвержденным императором Александром II 20 ноября 1864 года (ст. 1) было предусмотрено, что судебная власть принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату в качестве верховного кассационного суда [3, 32].

Примечательно, что на первом месте в этом перечне находились мировые суды и съезды мировых судей. Последние были предназначены для пересмотра в кассационном порядке дел, по которым были приняты решения мировыми судьями. Таким и образом, суды первой инстанции в императорской России состояли из двух уровней: мировых судей и окружных судов, причем их юрисдикция не совпадала. Такая же двухуровневая система присуща ряду европейских стран, в первую очередь Германии и Франции [4, 15, 26, 118, 119]. Ее преимуществом было то, что мировые суды приняли на себя рассмотрение значительной массы дел сравнительно небольшой сложности, не требующих рассмотрения в коллегиальном порядке, а участковая система мировых судов приближала их к населению.

В процессе судебной реформы, осуществленной в Российской Федерации, система мировых судов была восстановлена, причем мировые суды выведены из системы федеральных судов и формируются на местном уровне. Это в значительной степени разгрузило городские и районные суды и содействовало повышению качества судопроизводства в целом.

Известно, что проблема загруженности судов, особенно низового звена судебной системы, в Украине стоит крайне остро, особенно после того, как на их рассмотрение было передано огромное количество дел о нарушении правил дорожного движения. По этой причине, а также из-за усложнения процедуры судебного разбирательства стала еще большей, чем раньше, волокита при рассмотрении дел.

Так может быть взвесить возможность такого способа решения проблемы, как создание и в Украине некоего аналога мировых судов (возможно, под другим названием) и оптимально определить их юрисдикцию с учетом как дореволюционного опыта, так и опыта нашего близкого соседа?

Действующая Конституция Украины (ст. 124, ч. 4) и Закон Украины «О судостроительстве Украины» [5] (ст. 5, ч. 3) восприняли положительно другую идею, заложенную в Учреждении судебных установлений Российской империи и в законодательстве ряда других стран. Имеется в виду создание суда присяжных. При этом создатели Судебных уставов взяли за образец англо-американскую модель суда присяжных, предусматривающую разделение полномочий между присяжными и профессиональным судьей — председательствующим в судебном заседании и отнесение установления виновности или невиновности подсудимого к исключительной компетенции присяжных. В свою очередь, нынешние российские законодатели не критически восприняли дореволюционный опыт в этой части, тогда как практика большинства европейских стран пошла по другому пути, когда присяжные (под другими названиями: шеффены в Германии, ассизы во Франции и т.д.) наряду с профессиональными судьями участвуют в решении всех вопросов, подлежащих отражению в судебном решении [4, 93, 132].

Кстати, нельзя при этом не заметить, что сфера рассмотрения дел с участием присяжных в дореволюционной России постепенно сокращалась, а т.н. англо-американская модель суда присяжных, кроме России, прижилась только

в некоторых странах, прежде всего в Великобритании и США. В новой России многие решения суда присяжных носили явно скандальный характер (об оправдании военнослужащих, виновных в убийствах мирных жителей в Чечне, убийц редактора американского журнала «Форбс» в Москве П. Хлебникова и др.) и вызвали возмущение не только российской, но и международной общественности. Кстати, и декларируемая независимость суда присяжных в ряде случаев оказалась призрачной.

Серьезной критике была подвергнута идея суда присяжных в рассматриваемом виде на VIII чрезвычайном съезде суде Украины [6, 4], в интервью бывшего Председателя Верховного Суда Украины В. Т. Маляренко газете «Закон и бизнес» [7, 1, 4–5] и в ряде других публикаций. При этом в основном ссылаются на организационно-финансовые трудности. Не вдаваясь в оценку всех доводов «за» и «против» суда присяжных обращу внимание на гораздо более существенный изъян этой идеи. Известно, что всякая сложная человеческая деятельность требует профессионализма. Чем она сложнее, тем выше должен быть уровень профессионализма. Никто не станет отрицать, что отправление правосудия — одно из наиболее сложных видов деятельности, сравнимое по степени влияния на судьбу людей разве что с врачеванием. Разве можно себе представить, чтобы группе несведущих в медицине людей предоставили историю болезни, объяснения медработников и предложили установить, болен ли пациент или здоров (юридический аналог: «виновен подсудимый, или не виновен»). Почему-то в одном случае подобное кажется бредом, а в другом — воспринимается на полном серьезе.

Деятельность суда присяжных в Украине может начаться после принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Украины, уже много лет находящегося на рассмотрении в парламенте. У наших законодателей еще есть время подумать и, не отбрасывая целиком идею суда присяжных, воспринять ее континентальную европейскую модель, когда отдельные категории дел будут слушаться с участием шести или девяти присяжных, но при этом профессиональные судьи будут совместно с ними решать вопрос о наличии вины подсудимого и убеждать их в принятии законного и обоснованного решения с приведением юридических аргументов. По существу, это будет суд с расширенным составом народных заседателей, что соответствует традициям отечественного судопроизводства.

Следует подчеркнуть, что современное украинское процессуальное законодательство восприняло практически без изменений (за исключением особенностей тогдашней стилистики) ряд положений процессуальных законов 1864 года и, в частности, нормы Устава уголовного судопроизводства [3, 120–254].

Так, в соответствии со ст. 630 Устава «прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, и подсудимый или его защитник — с другой, пользуются в судебном заседании одинаковыми правами».

Статья 681 Устава предусматривала, что, «если признание подсудимого не вызывает никакого сомнения то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям». Содержание этой нормы весьма

напоминает ст. 299, действующего УПК Украины. Более того, вместо содержащейся в ней оговорки «если против этого не возражают участники судебного разбирательства» в Устав включена еще одна специальная ст. , 682, согласно которой «судьи, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могут потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, судебного исследования, и в таком случае суд приступает к рассмотрению и проверке доказательств». Учитывая важность предупреждения самооговора подсудимого, подобную норму следовало бы предусмотреть и в нашем УПК. Это же касается и ст. 683 Устава, в соответствии с которой «подсудимого, не признающего себя в преступлении, председатель суда при рассмотрении каждого доказательства опрашивает, не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения», а также указания на то, что молчание подсудимого не должно быть принимаемо за признание им своей вины» (ст. 685 Устава).

Приведение подобных примеров можно было бы продолжить.

Необходимо обратить внимание еще на одну проблему, которая пока что не возникла, но может возникнуть, если будут реализованы радикальные призывы представителей ряда политических сил об установлении выборности судей населением.

Представляется, что такая идея носит чисто популистский характер. Здесь невольно напрашивается сравнение, причем не с порядками, существовавшими в Российской империи, а в Советском Союзе и соответственно в Украинской ССР, когда судьи участковых, а позднее — городских и районных народных судов избирались гражданами, проживавшими на соответствующих территориях [9, 116–119]. На самом же деле оснований для исторических сравнений здесь не усматривается, ввиду отсутствия в рамках советской системы каких-либо выборов. Ими считалось официально, но практически не являлось вбрасывание в урны бюллетеней с одним кандидатом, что само по себе исключало возможность выбора. Фактически судьи назначались партийными комитетами соответствующего уровня, решения которых оформлялись официально с грифом «совершенно секретно».

Реанимирование этого подхода, даже если будут проводиться настоящие выборы, вряд ли возможно. Нельзя использовать выборы судей для формирования судейского сообщества таким же образом как выборы депутатов различных уровней.

В печати по этому поводу высказано серьезное сомнение в способности избирателей правильно определить наличие у кандидата в судьи необходимых профессиональных качеств [9, 8]. Вред от избрания судьи, не обладающего для этого необходимыми моральными и деловыми качествами, гораздо больший, чем от избрания депутатом профана в политике или местном самоуправлении, если учесть, что депутаты работают в составе команд (фракций). Если ошибочная позиция отдельных из них может быть не поддержана большинством, то судьи принимают решения самостоятельно, руководствуясь при этом только законом. Кроме того, возня вокруг альтернативных выборов судей способна вынести на поверхность не скромного и одновременно принципиального,

хорошо подготовленного юриста, а болтуна и демагога, способного лучше повлиять на избирателей, в том числе и путем их задабривания.

Конечно, это не означает, что систему номинации на судебские должности не нужно менять, прежде всего, необходимо в полной мере использовать преимущества конкурсного отбора.

Не лишним будет вспомнить и о том, что согласно Учреждению судебных установлений 1864 года был установлен единый порядок назначения судей. Статьей 212 этого документа было предусмотрено, что «председатель, товарищи председателей и члены окружных судов, а также старшие председатели, председатели департаментов и члены судебных палат назначаются высочайшей властью по представлению министра юстиции».

По моему убеждению, существующая процедура избрания бессрочно судей Верховной Радой Украины себя не оправдала, поскольку она, во-первых, чревата волокитой, а во-вторых, на решения депутатов нередко оказывают влияние политические пристрастия в отношении отдельных кандидатов в судьи.

Поэтому представляется целесообразным сосредоточить решение этих вопросов в руках главы государства, который бы назначал судей на должности по представлению специального органа, ответственного за формирование судебного корпуса — Высшего совета юстиции.

В целом же использование исторического метода научного и практического анализа поможет более успешному продвижению в Украине судебно-правовой реформы.

Литература

1. Шемшученко Ю. С. Юриспруденція // Юридична енциклопедія. — К., 2004. — Т. 6.
2. Кохановский В. П. Философия и методология науки: Учебник. — М., 1999. — 368 с.
3. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. Б. В. Вилеского. — М.: Юрид. лит., 1991. — 494 с.
4. Судові системи країн світу: Пам'ятки. У 3 кн. Кн. 2. — 334 с.
5. О судоустройстве Украины: Закон Украины // Відомості Верховної Ради України. — 2002. — № 27–28. — Ст. 180.
6. Доклад Председателя Совета судей Украины П. Пилипчука на VIII съезде судей Украины // Закон и бизнес. — 2007. — № 51. — С. 4–5.
7. Интервью бывшего Председателя Верховного Суда Украины В. Малярепка газете «Закон и бизнес» // Закон и бизнес. — 2008. — № 4. — С. 1, 4–5.
8. Семенов В. Т. Суд и правосудие в СССР. — М.: Юрид. лит., 1976. — 376 с.
9. Должаев В. За честные магии. Выборность судей: папацзя от зла или элемент предвыборных технологий // Закон и бизнес. — 2007. — № 37. — С. 8.